

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРРОГАТИВНОЙ СИТУАЦИИ В ДИАЛОГЕ

© Александр Викторович ЛОГИНОВ

Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск,
Тамбовская область, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания,
e-mail: Loginov13av@mail.ru

Рассмотрена реализация интеррогативной ситуации в диалогическом пространстве: описывается роль коммуникантов в процессе диалогизации, анализируются базовые понятия диалогической речи, такие как вопросительное предложение, адресованность, адресант, адресат, вербальные и невербальные средства общения. Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом к проблемам языковой и внеязыковой коммуникации, к тем структурным единицам, которые формируют нашу речь, представляя ее как диалогическое единство. Основным компонентом диалога является вопросительное предложение, выступающее ярким средством адресованности. Вопросительные предложения могут иметь разную степень выражения категории адресованности, но все они носят подчеркнuto адресованный характер, и эта коммуникативная установка говорит об их предназначении для реализации адресованности. Адресант исходит из презумпции понятности собственного высказывания, из того, что адресат обладает тем же арсеналом речевых единиц, поэтому его собственная речь часто редуцирована. Адресат вербализирует недостающие компоненты смысла, исходя из собственной пресуппозиции. Поэтому для интеррогативной ситуации характерна незамкнутость синтаксических компонентов как вопросной, так и ответной частей. Особая роль при этом отводится паралингвистическим средствам общения, дополняющим и компенсирующим вербальные средства. Диалог как форма речи наилучшим образом обслуживает межличностный характер общения, расширяет и круг коммуникантов, и количество информационных центров.

Ключевые слова: диалог; интеррогативная ситуация; вопросительное предложение; адресованность; адресант; адресат.

Основной формой реализации интеррогативной ситуации является диалог, служащий передаче знаний, убеждению, обучению и побуждению людей к действию. Диалог пронизывает всю человеческую жизнь, в нем и с его помощью индивидуум реализует важные социальные контакты, представленные речевым взаимодействием коммуникантов. Речевой контакт при этом понимается как процесс непосредственного взаимодействия людей, а диалог – как обобщенный продукт этого взаимодействия. И даже с развитием новых коммуниктивных технологий наше повседневное общение в большинстве своем состоит из «диалогического взаимодействия «лицом к лицу» – т. н. разговоров» [1, с. 207].

Интеррогативность является одним из основных признаков диалогизма не только как феномена общения двух коммуникантов, но и как явления познания, культуры, бытия человека в мире текстов и коммуникаций. Трудно представить диалог, не несущий в себе хотя бы одной вопросительной реплики, т. к. от наличия в структуре диалога вопросов зависит его успех, само его осуществление. Вопросы выявляют проблемные ситуации, являющиеся таковыми не только для

адресанта, но и для адресата. Это обуславливает наличие в вопросе предложений, основанных на некоторых исходных данных (известного, неизвестного, искомого, указаний на направленность мыслительного процесса).

Для осуществления диалога как первичной, естественной формы языкового общения и речевого взаимодействия необходимо соблюдение, как минимум, трех условий:

– наличие не менее двух участников общения – адресата и адресанта, которые в процессе речевого контакта обмениваются репликами, т. е. меняются ролями и каждый исполняет попеременно роль говорящего и роль слушающего;

– наличие у собеседников общей «апперцепционной базы / апперцирующей масс» (Р. Якубинский) и интенции или повода (темы) для общения;

– знание правил общения, принятых на данном языковом пространстве, владение репертуаром языковых и речевых средств, оформляющих конкретное высказывание [2, с. 96].

Наибольшее значение в диалогическом тексте приобретает его коммуникативная направленность, адресованность, т. е. «пред-

назначенность высказывания конкретного говорящего конкретному слушающему (или слушающим) в конкретных обстоятельствах» [3, с. 26].

Адресованность достигается целой системой специализированных средств. К таким средствам в первую очередь относятся интеррогативные (вопросительные) предложения, которым, с точки зрения обобщенного коммуникативного задания, С.Г. Ильенко приписывает сильную степень коммуникативной значимости на том основании, что они обладают «не только открытой направленностью на собеседника», но и провоцируют «участие собеседника в коммуникации: вопрос (Я) требует ответа (Ты)» [3, с. 27].

Интеррогативное высказывание выполняет следующие функции:

- 1) моделирует ситуацию диалога, аналога речевой коммуникации;
- 2) эксплицирует различные уровни и направления адресованности;
- 3) характеризует типы отношений, усугубляемых между коммуникантами;
- 4) характеризует предполагаемого адресата по объему его апперцептивной базы [4, с. 69-77].

Отводя высказыванию, содержащему вопрос о неизвестном или известном факте действительности, ведущую роль в организации адресованного сообщения, следует помнить, что в структуре вопросительного предложения заметную роль играют специальные средства оформления интеррогативного значения (интонация, вопросительные частицы и вопросительные слова), которые в таких высказываниях приобретают сему адресованности и выполняют функцию адресатотивов.

Интеррогативные предложения имеют разную степень выраженности категории адресованности: в зависимости от структуры и языковых средств реализации интеррогативности в речевом общении в таких высказываниях актуализируются утвердительные, императивные, оценочные значения. Но очевидно одно: все они носят подчеркнuto адресованный характер, и эта коммуникативная установка говорит об их предназначенности для реализации значения адресованности.

Так, наибольшая степень адресованности реализуется в собственно вопросительных предложениях, в структуре которых присутствуют местоимения или глаголы 2 лица либо обращения, причем в большинстве случа-

ев наблюдается употребление, как минимум, двух возможностей выражения этой адресованности:

1) – *Здоровы ли вы?* – спросил Волков.

– *Какое здоровье?* – зевая, сказал Обломов. – *Плохо! Приливы замучили. А вы как поживаете?*

– *Я? Ничего: здорово и весело, – очень весело!* – с чувством прибавил молодой человек (И.А. Гончаров. *Обломов*, I, II).

Высшая степень адресованности в текстовом фрагменте подчеркивается и всем положением дел: коммуниканты находятся в непосредственном вербальном контакте, и нет факторов, в первую очередь, других коммуникантов, которые смогли бы затруднить понимание обращенности высказывания.

Средняя степень адресованности выражена в интеррогативных конструкциях, коммуникативное содержание которых определяется доминирующей ролью семы побудительности:

– *Погода к вечеру стала получше, – сказал он. – Куда же мы теперь пойдем? Не поехать ли нам куда-нибудь?*

*Она ничего не ответила (А.П. Чехов. *Дама с собачкой*).*

Некоторая «ослабленность» адресованности объясняется тем, что она как бы распределяется на всех участников речевого действия, в т. ч. и на говорящего. Однако сам факт вопроса свидетельствует о том, что возможность осуществления действия состоится только тогда, когда будет получен ответ от адресата.

В риторическом вопросе значение адресации представлено в наименьшей степени, т. к. по своей коммуникативной функции он приближен к повествовательной конструкции, сама структура которых не несет в себе выражение эксплицитной направленности на собеседника. В диалоге риторический вопрос чаще всего выступает как реакция на собственно вопрос, т. е. как обратная адресация:

Не выдержав, я ухватил одного из школьников за шкирку.

– *Ты что, – сказал я, – негодяй, бегаешь тут с веником и пылицу поднимаешь?*

– *А чего ж мне делать?* – пытаюсь вырваться, заорал он плаксиво. – *Я в предкомод тороплюсь, а до занятий осталось десять минут (В. Войнович. *Москва 2042*).*

Как видно из примера, в котором присутствуют собственно вопрос и риторический вопрос, сильная степень адресованно-

сти первого не вызывает сомнения. С этой целью в интеррогативной конструкции задействованы три компонента, маркирующих коммуникативную направленность вопросительного высказывания: личное местоимение 2 лица («ты»), которое в первую очередь определяет наличие адресата, форма 2 лица глаголов («бегаешь» и «поднимаешь») и обращение («негодяй»). Вступая в синтагматические отношения, они еще в большей степени усиливают адресованность высказывания. То, что каждый из них «адресует» высказывание, подтверждает и тот факт, что «изымение» из структуры вопросительного предложения какого-либо составляющего не ослабляет его коммуникативной направленности: «*Что бегаешь тут и пылщцу поднимаешь?*», или «*Ты что тут с веником?*», или «*Что, негодяй, бегаешь тут с веником и пылщцу поднимаешь?*». Кроме того языковые средства адресации подкреплены неязыковым – жестами, направленными в сторону адресата. В данном случае таким невербальным средством выступает «ухватывание» адресата за шкуру.

Структура вопроса, открывающего реплику школьника, не несет в себе ни один маркирующий компонент, да и сам он в данной коммуникативной ситуации близок к повествовательному высказыванию «*Мне больше делать нечего*». Лишь введение в него обращения может как-то маркировать адресат: «*Дяденька, а чего ж мне делать?*».

По сравнению с другими типами организации речи диалог в большей степени подчинен цели воздействия на адресата. Коммуникативная направленность диалога позволяет адресанту ориентироваться не на абстрактного адресата, а на вполне конкретного партнера по коммуникации, что облегчает планирование и построение реплик диалога в зависимости от особенностей восприятия и ответной реакции реципиента.

Обычный диалог представляет собой равноправие коммуникантов, которое проявляется в том, что адресант и адресат «олицетворяют собой паритетные начала при переменной (и, следовательно, одинаково активной) роли и в речевой деятельности, и в восприятии речи» [5, с. 85], предполагает симметричное распределение ответственности за успех коммуникации.

Примечателен рассказ А.П. Чехова «Толстый и тонкий». Встреча двух приятелей, давно не видевших друг друга, создала пред-

посылки для возникновения коммуникативной ситуации, которую желали бы осуществить оба персонажа:

– *Порфирий!* – воскликнул толстый, увидев тонкого. – *Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!*

– *Батюшки!* – изумился тонкий. – *Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?*

Прятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез. Оба были приятно ошеломлены.

Диалог успешно развивается до того момента, когда выясняется социальное положение коммуникантов:

– *Ну, как живешь, друг?* – спросил толстый, восторженно глядя на друга. – *Служишь где? Дослужился?*

– *Служу, милый мой! Коллежским асессором уже второй год и Станислав имею... Ну, а ты как? Небось уже статский? А?*

– *Нет, милый мой, поднимай повыше,* – сказал толстый. – *Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.*

С этого момента тонкому не представляется возможным вести разговор в том ключе, в котором он до этого его вел, в силу статусного неравенства. (Введенный Петром I «Табель о рангах», просуществовавший до конца 1917 г., предусматривал иерархию чинов в армии, на флоте и в государственном аппарате. В этой иерархии тонкому присвоен 8 класс, тогда как толстому – третий: в воинской службе это капитан и генерал-лейтенант, соответственно).

Толстый, как вышестоящий на социальной лестнице, еще пытается как-то не взирать на выявившееся положение дел, но в конце концов поведение тонкого вынуждает его прервать акт коммуникации:

– *Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможис-с! Хи-хи-с.*

– *Ну, полно!* – поморщился толстый. – *Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чиновочитание!*

– *Помилуйте... Что вы-с... – захихикал тонкий, еще более съезживаясь...*

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Неслучайно и изменение в обращении тонкого к толстому: с «Миша», «милый мой»

на «ваше превосходительство», что также соответствует установленным общим титулам того времени.

Для диалога типична содержательная и конструктивная связь реплик. Содержательная связана с композицией диалогической речи и обусловлена ситуативно и тематически: вопрос / ответ, добавление / пояснение, сокращение / распространение и другие формулы речевого этикета. Конструктивная связь преимущественно соседних реплик обязательна. В противном случае происходит нарушение логики общения и возникает эффект, нередко используемый для создания комической или сатирической ситуации. Например:

Большов. Стряпчий был?

Фоминишна. А стряпали, батюшка, щи с солониной, гусь жареный, драчена.

Большов. Да ты белены, что ль, объелась, старая дура!

Фоминишна. Нет, батюшка! Сама кухарке наказывала (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся, II, 9).

Макроструктура диалога включает в себя фазы, частичные фазы, секвенции. В основе фазовой структуры лежит функциональный, деятельностный подход. Каждая фаза характеризуется комплексной частичной целью, находящейся в четких отношениях к фундаментальной цели.

Частичная цель начальной фазы диалога – создание предпосылок для достижения одной или нескольких фундаментальных целей.

Частичная цель середины диалога – достижение фундаментальной цели коммуникативного события.

Частичная цель заключительной фазы – завершение, гарантирующее развитие отношений.

На примере текстового фрагмента из «Мертвых душ» мы можем четко выделить все эти фазы с соответствующими им целями. Фундаментальная цель диалога основана на желании Чичикова приобрести у Манилова мертвые души. Этому подчинена вся целевая структура коммуникативного отрезка, и этим определяются частичные цели каждой фазы диалога.

Начальная фаза включает в себя разговор Манилова и Чичикова с приказчиком. Инициированный Чичиковым разговор должен выявить наличие мертвых душ. Пока цель заключается только в этом.

– Послушай, любезный! Сколько у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ревизию?

– Да как сколько? Многие умирали с тех пор, – сказал приказчик...

Во второй фазе диалога Чичикова с Маниловым определяется фундаментальная цель: возможность приобретения мертвых душ. По своей структурной организации данная фаза наиболее протяженная, т. к. включает в себя микрофазы, имеющие свои микротемы: выяснение отношения Манилова к предложению Чичикова и принципиальный договор о передаче мертвых душ:

– А для каких причин вам это нужно? – спросил по уходе приказчика Манилов...

– Вы спрашиваете, для каких причин? Причины вот такие: я хотел бы купить крестьян... – сказал Чичиков, заикнулся и не кончил речи.

– Но позвольте спросить вас, – сказал Манилов, – как желаете вы купить крестьян: с землею или просто на вывод, то есть без земли?

– Нет, я не то чтобы совершенно крестьян, – сказал Чичиков, – я желаю иметь мертвых...

Вопрос цены и оформления сделки как бы подводит итог всего диалога и поэтому может рассматриваться как его заключительная фаза, свидетельствующая об успешности коммуникативного намерения Чичикова:

– Итак, если нет препятствий, то с богом можно бы приступить к совершению купчей крепости, – сказал Чичиков.

– Как, на мертвые души купчую?

– А, нет! – сказал Чичиков. – Мы напишем, что они живы, так, как действительно в ревизской сказке... (Н.В. Гоголь. Мертвые души, I, 2).

Вполне естественно, что границы некоторых фаз достаточно четко маркированы (например, начальной и серединой), а границы других расплывчаты (в нашем примере – серединой и заключительной).

В диалоге автор интеррогативной реплики исходит из презумпции понятности собственного высказывания, из того, что адресат владеет тем же арсеналом речевых единиц, имеет семиотический код, поэтому его собственная речь часто имплицитна, редуцирована. Адресат вербализирует, эксплицирует недостающие компоненты смысла исходя из собственной пресуппозиции, пользуясь своим языком, используя свой семиотический

код. Поэтому для интеррогативной ситуации характерна некоторая эллиптичность, незамкнутость синтаксических компонентов, как вопросной, так и ответной части. В.В. Виноградов, подчеркивая роль контекста, ситуации и паралингвистических средств в возникновении неполного предложения, пишет: «В речевой общественной практике разговорного обмена мыслями, в связи с конкретной ситуацией, при наличии мимики и жестов как вспомогательных средств, при большой экспрессивной силе интонации формируются такие структурные типы предложений, в которых отсутствует словесное выражение каких-либо отдельных членов, ясных из контекста и ситуации» [6, с. 29].

Внеязыковой контекст сам определяет участников речевого акта, сам помещает их в языковую ситуацию, сам создает пропозициональные условия. Адресанту и адресату остается только отобрать необходимый набор языковых и неязыковых средств и реализовать их. Например, в следующем текстовом фрагменте участники коммуникативной ситуации осведомлены о событии в общем, но им хочется узнать детали, отсюда и выбор синтаксических конструкций (неполных и односоставных предложений):

– Леонид Борисович? – *Фотограф вытер пальцы о полотенце, перепоясывающее водолазный свитер. – Вам снимок? Или помещение? – Или. Ненадолго. Как твой радикулит? – Он сам по себе, я сам по себе – мирное существование... (М. Веллер. О любви).*

Как отмечает А.Д. Швейцер, «в любом естественном языке проявляется противоборство двух тенденций – тенденции к экспликации, т. е. к открытому, явному выражению того или иного смысла, и тенденция к имплицации, т. е. к подразумеванию» [7, с. 47].

Интеррогативные предложения обращены к собеседнику с целью получения ответа, поэтому не должны быть развернутыми. В вопросе как бы концентрируется та часть ситуации, которая наиболее неясна, на которую сильнее всего нацелен интерес человека, в этой ситуации пребывающего. Суть неизвестного схватывается именно в вопросе: видны ли цели адресанта, его понимание ситуации и отношение к ней. Распространенность предложения, его метафорический состав свидетельствуют об утрате вопросительной формы своей первичной функции вопроса.

Особая роль в интеррогативной ситуации отводится паралингвистическим средствам общения: мимике, жестам и т. п. В основе взаимодействия вербальных и невербальных средств выражения вопросительности лежат два принципа.

1. Вербальные и невербальные средства акцентируют друг друга, усиливая вопросительное значение, что может быть поставлено в связь с давней традицией совместного употребления вербальных и невербальных средств в условиях непринужденного общения.

Поздоровавшись со мною, татап взяла обеими руками мою голову и откинула ее назад, потом посмотрела пристально на меня и сказала:

– Ты плакал сегодня? (Л.Н. Толстой. *Детство*, 2).

2. Вербальные и невербальные средства компенсируют друг друга – ослабление речевых усилий компенсируется жестомимическими средствами и наоборот:

– *Что?* – *воскликнула Маргарита и глаза ее округлились, – если я вас правильно понимаю, вы намекаете на то, что я там могу узнать о нем?*

Аззелло молча кивнул головой.

– *Еду!* – *с силой воскликнула Маргарита и ухватила Аззелло за руку, – еду, куда угодно!* (М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*, 2, 19).

Пример характеризуется недоговоренностью, незаконченностью реплик, но эта недоговоренность не мешает коммуникантам понимать друг друга, что объясняется их знанием конситуации. Вербальная часть сообщения реализуются в контексте индивидуального и социального опыта речевых партнеров, накладываясь «на предварительно выраженную невербальную систему коммуникации» [8, с. 81].

Г.В. Колшанский считает, что «паралингвистические средства участвуют в восполнении вербального эллипса... В этом плане... необходимо рассматривать как способ компенсации элиминированных элементов языковой структуры» [9, с. 214]. Однако в использовании паралингвистических средств нужно исходить из принципа функциональной сообразности, оправданности и использовать лишь те, которые необходимы для восполнения пробелов в вербальной коммуникации:

Морица лицо, он, в свою очередь, спросил у Стравинского:

– Вы – профессор?

На это Стравинский предупредительно-вежливо наклонил голову.

– И вы – здесь главный? – продолжал Иван.

Стравинский и на это поклонился (М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита*, 1, 8).

По мнению Г.Е. Крейдлина, «невербальная референция всегда конкретная: она имеет дело с конкретными объектами и ситуациями, с актуальными пространственными категориями и в гораздо меньшей степени, например, с временными категориями» [10, с. 51]. В диалоге сама ситуация общения определяет значения тех или иных языковых средств, уточняя их смысл.

Являясь отражением естественной формы речи и предопределяя тем самым основные свойства разговорной стихии, диалог в своем преобразованном виде становится весьма значимым средством в реализации эстетической функции в художественном произведении.

Эстетическая обработанность диалога способствует возрастанию его прагматической силы и усилению адресованности, которая составляет семантическую сущность диалогичности.

Но не только это делает диалогические построения столь важными в создании интеррогативной ситуации, а то, что эта форма речи наилучшим образом обслуживает межличностный характер общения, расширяет и круг коммуникантов, и количество информационных центров.

-
1. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2011.
 2. *Чаплыгина И.Д.* Средства адресованности: Ты-категория в современном русском языке. М., 2001.
 3. *Ильенко С.Г.* Коммуникативный аспект рассмотрения предложения и вопрос о его признанных и непризнанных составляющих // Русистика: Избранные труды. СПб., 2003.

4. *Бударagina Е.И.* Средства создания образа адресата в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
5. *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 2009.
6. *Виноградов В.В.* Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1954. № 1. С. 3-29.
7. *Швейцер А.Д.* Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. М., 2012.
8. *Горелов И.Н.* Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
9. *Колшанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 2005.
10. *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2004.

-
1. *Issers O.S.* Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. M., 2011.
 2. *Chaplygina I.D.* Sredstva adresovannosti: Ty-kategoriya v sovremennom russkom yazyke. M., 2001.
 3. *Il'enko S.G.* Kommunikativnyy aspekt rassmotreniya predlozheniya i vopros o ego priznannykh i nepriznannykh sostavlyayushchikh // Rusistika: Izbrannye trudy. SPb., 2003.
 4. *Budaragina E.I.* Sredstva sozdaniya obraza adresata v khudozhestvennom tekste: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006.
 5. *Vinokur T.G.* Govoryashchiy i slushayushchiy. Varianty rechevogo povedeniya. M., 2009.
 6. *Vinogradov V.V.* Nekotorye zadachi izucheniya sintaksisa prostogo predlozheniya (na materiale russkogo yazyka) // Voprosy yazykoznaneya. 1954. № 1. S. 3-29.
 7. *Shveytser A.D.* Sovremennaya sotsiolingvistika: Teoriya, problemy, metody. M., 2012.
 8. *Gorelov I.N.* Neverbal'nye komponenty kommunikatsii. M., 1980.
 9. *Kolshanskiy G.V.* Sootnoshenie sub"ektivnykh i ob"ektivnykh faktorov v yazyke. M., 2005.
 10. *Kreydlin G.E.* Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyy yazyk. M., 2004.

Поступила в редакцию 2.10.2014 г.

UDC 811.161.1

REALIZATION OF INTERROGATIVE SITUATION IN DIALOGUE

Aleksander Viktorovich LOGINOV, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov region, Russian Federation, Candidate of Philology, Assistant Professor, Assistant Professor of Russian Language and Methodics of its Teaching Department, e-mail: Loginov13av@mail.ru

The realization interrogative situations in dialogical space is considered, the role of that communication is described in the process of dialogization. Basic notions are analyzed such as interrogative sentence, address component, addresser, addressee, verbal and non-verbal means are analyzed. Urgency of the study is conditioned by increased interest to problem language and non-language to communications, to that structured unit, which form our speech, presenting its as dialogical

unity. The main component of the dialogue is an interrogative sentence, emerging bright facility address component. The interrogative sentence can have different degree of the expression categories address component, but all of these carry underlined addressed nature, and this communication installation speaks of their destination for realization of importance address component. Addresser comes from presumption of intelligibility of the own utterance, from that that addressee possesses same arsenal of the speech units so its own speech it is compressed often. The Addressee of the verbal the lacking components of the sense, coming from own pre-supposition. Certain openness syntax components both question and answer parts is typical for interrogative situation. The special role is given to paralinguistic facility of the contact, complementing and compensating verbal of the facility. The dialogue as the form speech to the best advantage services the interpersonal nature of the contact, increases and circle communicating, and amount of the documentation centers.

Key words: dialogue; interrogative situation; interrogative sentence; address component; addresser; addressee.

